

иель нашъ,—заповѣдалъ самимъ людямъ? Самъ Христосъ никого не крестиль. говорится въ Евангелии (Іоан. IV, 2). Что же нужно дѣлать, чтобы крещеніе избавляло, спасало отъ смерти, чтобы крещенный уже не могъ бы спять впадать въ грѣхъ? Господь нашъ Іисусъ Христосъ заповѣдалъ не крестить лишь, но, крестя, и научить вся языки. Чему же должно научить тѣхъ, которыхъ надлежитъ крестить, т. е. избавить отъ грѣха и смерти?? Не очевидно—ли, что это обученіе должно быть изученіемъ тѣхъ силъ, которыхъ наносятъ смерть, и изученіе это должно имѣть цѣлью обратить наносящія смерть силы изъ смертоносныхъ въ живоносныя. При созданіи эти силы и не были, очевидно, смертоносными, ибо *Богъ смерти не создалъ*, говорится въ писаніи; смертоносными они стали лишь тогда, когда человѣкъ согрѣшилъ, когда, вмѣсто того, чтобы принять на себя *трудъ* управления этими силами. — на что и былъ созданъ Богомъ,—человѣкъ послушался внушенія злого духа и захотѣлъ безъ труда быть равнымъ Богу,—безъ труда получить всевѣдѣніе. Если и теперь человѣкъ не исполнитъ воли Божией, т. е. не захочетъ исполнить Божественную заповѣдь, данную при сотвореніи и повторенную Христомъ Спасителемъ по воскресеніи предъ вознесениемъ своимъ, заповѣдь, которая вначалѣ требовала отъ человѣка только труда управления тѣми силами, отъ которыхъ зависѣтъ его жизнь, а теперь требуется возстановленіе всего погибшаго,—погибшаго потому, что эти силы оставлены были безъ управления, стали слѣпыми,—если и теперь человѣкъ не захочетъ исполнить заповѣди воскресенія, въ которую обратилась заповѣдь обѣ управления, въ такомъ случаѣ судъ, страшный судъ, и наказаніе.

Но мы вѣримъ, что Господь все предусмотрѣлъ и сумѣеть направить на насъ, дабы мы не злоупотребляли, не до конца злоупотребляли нашою свободою, и великая жертва Его, крестная страданія и смерть,—не оказалась бы принесеною напрасно. Однако, такая увѣренность можетъ вредно по-дѣйствовать на находящихся еще въ дѣтскомъ возрастѣ, въ младенчествѣ, переходящемъ въ ребячество, т. е. въ такое состояніе, когда при умственной еще незрѣлости начинаетъ уже чувствоваться отдѣльность отъ другихъ, рознь съ другими, когда пріобрѣтаются свойственные взрослымъ пороки. Надежда во всемъ на Бога, на Божественное предусмотрѣніе, можетъ привести къ собственному небреженію, къ отказу отъ труда, отъ дѣятельности, ведущей къ спасенію; а потому до сихъ поръ, когда намъ свойственно было лишь *“и леко”* ученія, твердая же пища была намъ не по силамъ, до сихъ поръ въ видахъ нашего воспитанія, какъ побужденіе къ дѣятельности, и ставились на первый планъ, какъ угроза страшнымъ судомъ, такъ и ученіе о воздаяніи за добродѣтельную жизнь. Теперь же,—хотя мы не вышли еще изъ ребячества, а напротивъ, проявляемъ наихудшія свойства этого возраста, наибольшую разнозданность, заносчивость и жестокость, хотя мы умственно еще не созрѣли,—во всякомъ случаѣ мы настолько развились, чтобы понять несовмѣстимость вѣчныхъ мученій съ Божествен-
нѣмъ милосердіемъ, а потому теперь и настала пора разъяснить, что не Богъ предназначилъ насъ на вѣчные муки, а мы сами приведемъ себя къ этимъ мукамъ, если не исполнимъ Божественной заповѣди обѣ управления этими силами; отъ которыхъ зависитъ наша жизнь и которыя мы обратили